

УДК 165: 161.201.3

Лидия Богатая

ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭПИСТЕМИЧЕСКОМ ПРЕОДОЛЕНИИ

Наступил кризис самого чувства принадлежности.

Б. Латур [5, с.18]

*Необходимость стать тем, чем ты являешься,
есть черта жизни в условиях модернити.*

З. Бауман [1, с. 182].

Размышления об идентичности З. Баумана и П. Слотердайка рассматриваются в статье в контексте представлений об эпистемических трансформациях, обнаруживающихся в ситуации полипарадигмальности, формирования новых кросс-парадигмальных концептов, к ряду которых и отнесена идентичность. Идентичность сопоставляется с ключевыми концептами Ж. Делеза: номад (номадизм), гладкое и рифленое пространство. Формулируется вывод о том, что в соединении отмеченных концептов просматривается новая эпистемическая установка, для которой характерно одновременное объединение вертикального и горизонтального развертывания («вертикальное восхождение» и «базовый лагерь» в терминологии П. Слотердайка). Поиски идентичности предстают способом горизонтального развертывания, которое дополняет традиционное «вертикальное восхождение» человека.

Ключевые слова: *идентичность, парадигма, эпистема, сгибание, разгибание, рифление, гладкое и рифленое пространство, горизонтальное восхождение.*

Проблема, стимулировавшая написание этого текста, это проблема выбора собственного Пути, уникальных жизненных стратегий и тактик в ситуации сильного притяжения культурных традиций, *парадигмальных предопределенностей*. Представленные размышления осуществлялись в контексте осмысления «заметок» об *идентичности* современного английского социолога З. Баумана [1] и немецкого философа П. Слотердайка [7]. Философская тональность текста формировалась во многом под воздействием небольшой, но чрезвычайно важной в интеллектуальном плане работы Ж. Делеза «О смерти человека и сверхчеловеке» [4].

Человек в поисках идентичности

Если спросить обыкновенного человека о том, что такое *идентичность*, то он едва ли вразумительно ответит на этот вопрос, более

того, скорее всего, даже и отвечать не захочет, ибо в самом слове предчувствуется подвох. Это слово не из человеческого лексикона, а, скорее, из того вымышленного языка, который изобретают ученые и с помощью которого развивают свою профессиональную лексику. Но кто же тогда, на самом деле, формирует и ищет *идентичность* – национальную, гендерную, профессиональную? Можно ли обойтись без этого мудреного слова? Быть может, *идентичность* есть не что иное, как *теоретический конструкт*, с помощью которого исследователи пытаются ухватить особенности переживаемой эпохи? Кажется, что очень точно по этому поводу выразился З. Бауман, назвав *идентичность* своеобразной «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни», многие научные дискуссии вращаются вокруг «оси идентичности» [1, с. 176]. Но тогда чем предопределена притягательность этого конструкта?

Прежде чем пытаться искать ответ на поставленные вопросы кажется важным обсудить сам факт непрерывного и неизменного *конструирования*, осуществляемого в сферах исследовательской деятельности.

Конструирование и переконструирование: *сгибание и разгибание*

Любое исследование связано с выбором тех или иных инструментов, что неизбежно ведет к *огрублению изучаемого целого*. Схватывание Целого в *специфических терминах* способствует его усечению, огрублению, профанированию, ... Целое всегда больше того, что о нем сказывается.

В этой связи *плюральность* различных исследовательских дискурсов можно понимать как своеобразное объединение разнообразных *конструктивных* построений. Каждая концепция, тем более – теория, это особый способ конструктивного сжатия, «сгибания», огрубляющего упрощения, ведущего к выпадению из Целого. Чем строже теоретическое построение, тем дальше оно от реальности – непрерывно меняющейся, трансформирующейся.

Все меньше остается исследователей, полагающих, что в результате своих трудов они обнаруживают окончательную истину. Все больше усиливается понимание того, что человека и реальность разделяют *инструменты познания*, которые во многом предопределяют способ раскрытия и конструирования реального.

В такой ситуации, когда познание истины оказывается достаточно сомнительным предприятием, проявляется иная и очень важная исследовательская задача – *наблюдение за наблюдателем* или иначе – *вращивание наблюдателя второго рода*, если обратиться к

кибернетической терминологии австрийского исследователя Х. фон Ферстера.

Понятно, что *наблюдение наблюдателей* не предстает задачей принципиально новой, ибо именно этим во многом и занимались философы, отслеживающие то, как происходит рождение мысли. Однако определенная новизна в исследованиях *наблюдателей* возникает по причине того, что существенно меняется общая *эпистемологическая ситуация* (если под *эпистемой* понимать культурно и исторически обусловленную *первоматрицу наблюдений*, в пределах которой могут возникать, существовать и развиваться различные парадигмы). К сожалению, в современной русскоязычной литературе все еще отсутствует четкое различие терминов *эпистема* и *парадигма*. Чаще всего отмечают, что в то время, когда М. Фуко размышлял об *эпистемах* (1966 г, «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»), Т. Кун только-только представил научному сообществу новое толкование термина *парадигма* (1962 г, «Структура научных революций»). В результате и сформировалась ситуация некоторой *терминологической несоизмеримости*.

Однако даже при поверхностном анализе оказывается понятным, что *классическая эпистема* М. Фуко это совсем не то же, что *классическая парадигма* в толковании, к примеру, В. С. Степина. И складывающаяся ситуация полипарадигмальности (одновременного сосуществования *синергетической, сложностной, голографической, сетевой и других парадигм*) во многом свидетельствует о том, что достаточно различные парадигмы вполне могут сосуществовать в рамках единой эпистемы («современной эпистемы»).

Но, несмотря на очевидную сложность «эпистемических размышлений», они кажутся чрезвычайно важными, ибо побуждают исследователей к выявлению той фундаментальной *сверхустановки*, направляющей развитие одновременно нескольких парадигмальных образований. В этой связи несомненный интерес представляют некоторые рассуждения Ж. Делеза, представленные в небольшом тексте «О смерти человека и сверхчеловеке» [4].

«Сгибание» и «разгибание»: путь от парадигмы к эпистеме

Ж. Делез пытается отслеживать движение мысли М. Фуко, связанное с выяснением причин формирования различных интеллектуальных напластований. Важно заметить, что Фуко считал себя *историком мышления*, был профессором кафедры *истории систем мышления* в Коллеж де Франс. *Мышление* и все то, что на него влияет, становилось главным объектом внимания французского интеллектуала.

Ж. Делез, отслеживая способ развертывания «археологической системы» М. Фуко, обращает внимание на то, что можно именовать *мировоззренческой установкой*, а именно – на *сгибание – разгибание*.

Сгибания и *разгибания* формируют своеобразие мыслительных модусов, которые, в свою очередь, задают особенности развертывания *исторических формаций*, предзаданных спецификой «*способа мыслить*».

«Классическое мышление распознается по своему способу мыслить бесконечное» – это утверждает Делез вслед за Фуко. **Бесконечное** оказывается «фундаментальным камнем» или *фундаментальной силой*, формирующей *классическое мышление (классическую эпистему)*. «Силы» и «формы» – вот главные *методологические конструкты*, с помощью которых Фуко и Делез размышляют об исторических формациях (по поводу *методологических конструктов* (см. подробнее: [2])).

«*Бесконечное*» существует в единстве с другими не менее фундаментальными объектами интеллектуального внимания: *Бог, совершенство, порядки бесконечного (бесконечно большое и бесконечно малое), конечное, ограничение*,... *Бесконечное* характеризует *внешние силы*, под воздействием которых формируются силы человека. *Бесконечное* предстает конститутивным началом. Философы предлагают различные способы осмысления **бесконечного**.

Делез отмечает, что в археологических изысканиях Фуко весьма высока частота употребления термина *развертывание*. «Развертывание (depli) выступает здесь в качестве фундаментального понятия, первостепенного аспекта оперативного мышления, воплощенного в классической формации. Отсюда частотность употребления слова «развертывание» у Фуко» [4].

Термин *развертывание* имеет достаточно разнообразные методологические проявления. К примеру, можно вести речь о **развертывании концепции, парадигмы**. Подобное развертывание допустимо мыслить как процесс формирования семейств специфических высказываний, которые в своем пределе образуют своеобразные континуумы и иногда метафорически обозначаются словом «поле» (Р. Крейг) [9; 2].

Методологическое развертывание Делез характеризует следующим образом: «развертывать означает объяснять». *Развертывание* осуществляющееся под воздействием *внешних сил* и входит во взаимодействие со *внутренними силами* человека (силой воображения, силой понимания, силой воли, силой мышления...). Так, к примеру, под воздействием бесконечного формируются производные порядки [4]. Для прояснения особого характера развертывания вводятся представления о

силе: внешней и внутренней.

В исторической формации XIX века, согласно Фуко, обнаруживается возникновение новой эпистемы. Эта эпистема манифестирует себя смещением внимания от *бесконечного* к **конечному**, к которому и перемещается фокус внимания. *Конечное* предстает как «конститутивное».

В интеллектуальном поле *конечного* расцветают *сравнительные методики*: «всюду теперь доминирует Сгибание (Pli)». В новой эпистемической ситуации *сгибание* оказывается «фундаментальной категорией», фундаментальным *онтологическим конструктом* (см.: [2]). При этом привлекает следующее замечание Делеза: «Если сгибание и разгибание составляют суть не только концепции Фуко, но даже его стиля, то это потому, что они формируют археологию мышления. Возможно, нет ничего удивительного в том, что Фуко встречается с Хайдеггером именно на этой почве» [4]. Внимание к *сгибаниям* и *разгибаниям* оказывается важным при археологическом взгляде на ту или иную проблему, однако при этом само выражение «археологический взгляд» можно понимать в разных смыслах.

Если обратиться к античной традиции употребления слова *архэ* (*греч. αρχή — начало, принцип*), которое в досократической философии толковалось как *первооснова первоэлемент*, из которого состоит мир, то обнаруживается весьма своеобразное прочтение слова *археология*. *Археология* предстает путем поиска первопринципов, первоначал. В этом смысле и сам Фуко, некоторым образом, оказывается в ряду последователей досократической интеллектуальной программы. Действительно, не предстают ли **способы видения бесконечного, развертывания, сгибания, разгибания** в качестве своеобразных интеллектуальных первоэлементов, сил, формирующих ту или иную эпистему?

Делез продолжает: «Согласно Фуко, речь идет о таком соотношении сил, когда локальные силы сталкиваются то с силами, стремящимися к бесконечному (разгибание), что является способом образования формы-Бог, то с силами конечного (сгибание), образуя форму-Человек» [4].

Форма – это то, что обнаруживает себя в результате *оформления*. Форма манифестируется и в эйдосе, и в универсалии, и в категории, понятии, концепте, термине, символе, конструкте... *Мысль о форме* – это некоторый гносеологический предел: на уровне формы проявляется само мышление. Мышление всегда *оформлено*. За пределами формы мышление себя исчерпывает. И в этом смысле возникает сразу несколько вопросов о связи *формы и эпистемы*:

- 1) первоформы ли задают эпистему или, все же, силы?
- 2) как связаны *формы с силами*?
- 3) в чем фундаментальное различие мысли о *первоформе* и *первоэлементе*?
- 4) и, наконец, возникает весьма существенный вопрос: «развертывание-свертывание», «расширение-сжатие» весьма естественно стимулируют мысль о «дыхании Брахмы» и тут проявляется очередное вопрошание: возможно ли философски помыслить само «дыхание» или подобная мысль уже выводит за рамки философского пути и «дыхание» это то, что невозможно в пределах философской рефлексии? В философии дыхание редуцируется, к примеру, к первоэлементу. «Архе» предстает своеобразным отсветом *дыхания, дыхание* огрубляется до *архе*.

Все эти мысли позволяют немного иначе взглянуть на интеллектуальный порыв Ф. Ницше, о котором упоминает Делез: «Ницше сказал: человек заключил жизнь в тюрьму, сверхчеловек – это тот, кто освобождает жизнь в самом человеке в пользу другой формы...» [4]. Но при этом закрадывается сомнение: разве обращение к другой *форме* не будет повторным заключением, заключением в форму иную? Формоцентризм стимулирует своеобразное *забывание* (отсекание) того, что является началом первоначал – самого *дыхания*. Не об этом ли «первоначале» пишет Делез, говоря о том, **что** «разрушает серии, ломает континуумы, которые уже не развертываются на поверхности. Это как бы появление нового измерения, несократимой глубины, которая угрожает порядкам бесконечного воспроизведения» [4].

Есть ли *особые философские* слова, которые являются отсветами этого **первоначала начал**, отсветами «несократимой», нередуцируемой глубины? Возможно, пылание *несократимого* обнаруживается в словах «сила», «воля», «Я»,.. И есть ли подобный живительный отсвет в слове *идентичность*?

Идентичность как спутник эпохи «модернити»

Эпоха – это не *эпистема*, она не может быть редуцирована к интеллектуальным первоначалам, ибо всегда полна бесконечным числом разнообразных проявлений культуры.

Об эпохе *модернити* текстов написано никак не меньше, чем по поводу идентичности. Но даже на фоне этого многообразия мысль Зигмунда Баумана кажется различимой и интересной. Он замечает: модернити «заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением», стимулирует необходимость поиска «места в новой реальности» [1, с. 182, 183]. Требование «стать тем, чем

ты являешься, есть черта жизни в условиях модернити» [1, с. 182]. Можно попытаться объединить сказанное: в эпоху модернити человек оказывается в ситуации *необходимости переживания череды самоопределений*.

Оседлость. Едва родившись, человек стремится «осесть»: осесть в люльке, коляске, кроватке, семье, школе... Первые *приручения к оседлости* кажутся принудительными. Ребенка принуждают возвращаться в то место, из которого он буквальным образом *выползает*. Со временем вместо желания «покинуть» то, что уже освоено, прорастает желание «остаться», «осесть», сформировать «место оседлости».

Эпоха модернити не только расширяет возможное число «мест оседлости», но и причащает к тому, что «не только положение индивидов в обществе, но и сами места, к которым они могут получить доступ и которые стремятся занять, быстро трансформируются и едва ли могут надежно служить в качестве цели чьей-то жизни» [1, с. 183]. В предыдущие эпохи *цель жизни* часто сопрягалась с достижением «мест оседлости». Достигнуть цели – значит «осесть». Место оседлости виделось своеобразным местом комфортного отдыха, «засыпания», вхождения в череду похожих деяний, которые оборачиваются привычками. Привычки – *деятельные недеяния*, симуляции и провокации деятельности. И не потому ли поиски идентичности П. Слотердаик называет «упражнениями в лениности»?

Но Слотердайку хочется возразить. Сам факт появления различных идентичностей – *гендерной, национальной, профессиональной, научной*,... стимулирует человека к непрерывному движению, движению ради самоопределения. Бауман пишет об этом так: «Утрата четкого места в обществе становится ныне опытом, который может сколько угодно раз повторяться в жизни каждого человека» [1, с. 184]. Динамичность эпохи модернити, с одной стороны, *обуславливает*, с другой – *обуславливается* проявлением разнообразия «мест оседлости», что позволяет каждому обнаружить свою *ино-образность*.

В ситуации множащихся идентичностей, по Бауману, актуализируется проблема, состоящая «не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [1, с. 185]. Тем самым на первый план выдвигается тема поиска *самоидентичности*. Бауман буквально в унисон со Слотердайком заявляет следующее: «Требующая времени и усилий работа по демонтажу, переустройству и формированию собственной

идентичности является еще одним «суррогатом времяпрепровождения» [1, с. 190]. Но почему «суррогатом времяпрепровождения»?

И вот тут видится влияние определенной эпистемы, а лучше – того, что ее саму преодолевает.

Эпистема (греч. ἐπιστήμη «знание», «наука» и ἐπιστάμαι «знать» или «познавать») начинается со *знания*. **Установка** на поиск «*знания*» удивительным образом окрасила всю европейскую культуру, **перерабатывающую** свои античные корни (ибо любое *укоренение* предполагает **разукоренение**, отсюда и возникает мысль о «перерабатывании» античного наследия).

Современные философы все чаще начинают противопоставлять *знанию – переживание (проживание, активное действие)*. Переживание, понимаемое во всей его полноте, сохраняет символическую связь с «дыханием Брахмы». Что же касается погружения в знание, то оно сопряжено с редуцированием *целого* ко всегда ограниченному числу форм, форм-конструктов (*огрубляющих форм-конструктов*). Эпистема, с одной стороны, предопределяет их появление, упорядочивает, с другой – упорядочивается ими же (очевидно, к примеру, что подобная мысль возникает под влиянием размышлений Э. Морена о рекурсивных петлях [6]).

Так же как и эпистема, *идентичность* является результатом упрощающих и, одновременно, порождающих ту или иную идентичность «огрублений». Бауман пишет: ««Идентичность» обязана вниманием, которое она к себе привлекает, и страстями, которые она порождает, тому, что она выступает суррогатом сообщества, естественного обиталища, которое более недоступно» [1, с. 190]. Выражение «*суррогат сообщества*» – жесткое, однако точно схватывающее изначальную *неполноту, ущербность* любой идентичности.

Однако подобное «упрощение» (огрубление) не следует рассматривать исключительно с отрицательной точки зрения. Упрощение – это всегда тренировка в «схватывании», схватывании наиболее характерного, актуального, своевременного, важного,.. Само мышление есть *упрощение* и одновременно – **прощение** за *упрощение*.

В попытках понять природу идентичности видится перспективным привлечение ряда делезовских концептов: «*номад*», «*номадизм*», *гладкое и рифленое пространство*. С учетом этой концептуальной «вязки» мысль об идентичности может развиваться следующим образом: включаясь в то или иное сообщество, человек подключается к коллективным усилиям по «рифлению» пространства. При этом речь идет об *особом пространстве*, пространстве, коллективизирующем бесконечные индивидуальные

самоотражения. Это пространство одновременно и пространство *само-становления, само-сопряжения, само-узнавания и само-непонимания*,... В этом пространстве осуществляется *укоренение и разукоренение* каждого. Разукоренение происходит как итог череды самонесовпадений с той или иной средой.

Индивидуальные самонесовпадения естественным образом влияют на ту или иную коллективно выстраиваемую идентичность. Именно поэтому идентичность, понимаемая как результат рифления, принципиально *процессуальна*. Она не есть нечто ставшее, а всегда – становящееся и в этом ее особая притягательность. *Становящееся* предстает своеобразной *защитой от лени*. Идентичность всегда может быть изменена в результате тех или иных индивидуальных привнесений. Но при этом важно понимать, что это всегда результат коллективных сонастроек. Те, кого не устраивает та или иная идентичность, обращаются к поискам идентичности иной. Не устраивает «советскость» – есть вариант развития, к примеру, идентичности «диссидентской».

Слово *рифление* можно интерпретировать как своеобразный плотноматериальный аналог процесса *дыхания*. Рифление – прохождение (человеческого духа) через средовые породы разной плотности. В ходе рифления преобразуется внешнее пространство в соответствии с интегральными усилиями преобразующих. Поиски идентичности – это всегда включенность в процесс коллективного рифления. Но, одновременно, это напряженные поиски совпадения *внешнего и внутреннего* пространства. И то, что Бауман фиксирует как *настойчивую необходимость для каждого человека осваивать все новые и новые виды идентичности* можно рассматривать как усиливающуюся в эпоху модернизировать потребность «заботы о себе».

Тем самым обнаруживается новая концептуальная связка: *идентичность, рифление, гладкое и рифленое пространство, «забота о себе»*.

Естественно, размышления можно продолжать и в других направлениях, соотнося, к примеру, *идентичность и деконструкцию* (Ж. Деррида), *идентичность и реальное* (Ж. Лакан)... Можно предположить эффективность и других мыслительных ходов. Главное в том, что проявляется эпистемическая сопряженность *идентичности* с многими постструктуралистскими концептуальными образованиями.

Представленные выше размышления можно обобщить следующим образом.

1. Смена концептуальной сетки. Весьма убедительной видится мысль

З. Баумана о том, что в качестве определенной предтечи представлений об *идентичности* можно рассматривать марксово представление о *классах*, осмысление которого осуществлялось в единстве с развитием таких конструктов, как – *базис, надстройка, классовая, политическая борьба, прибавочная стоимость, экономическая деятельность*,... В XX веке созданный Марксом теоретический фундамент постепенно размывается и замещается новыми концептуальными элементами. *Идентичность* и предстает в качестве одного из таких элементов, который оказывается совместим с вновь актуализируемыми концептами. Обнаруживается очевидная коррелируемость представлений об *идентичности* с целым рядом важнейших постструктуралистских концептов – *номад, номадизм, гладкое и рифленое пространство, укоренение, «забота о себе»*... *Идентичность* не только вписывается в новую концептуальную сетку, но и оказывается одним из ее важнейших элементов.

2. Идентичность и девертикализация («горизонтальное восхождение»). Традиционная для всех предыдущих эпох модель «вертикального восхождения» («лестница Иакова»), восхождения к Богу, поиска себя в свете мыслей о Боге размышлениями об идентичности, фактически, дополняется моделью «восхождения горизонтального», вхождения *вглубь себя* путем соотнесения с другими в результате поиска собственной идентичности. З. Бауман отмечает важность дополнения размышлений об *идентичности* размышлениями об *идентификации*. Эта идентификация никогда не заканчивается и представляет собой деятельность, открытую будущему [1, с. 192]. Идентификация, понимаемая как непрерывающийся поиск собственной идентичности, и видится вариантом *горизонтального восхождения*, поиском себя путем соотнесения с другими.

3. Сбивающее «о-сознание».

Многочисленные осмысления идентичности часто связывают с процессами **о-со-знания** той или иной идентичности, т. е. используется привычное, но принадлежащее уже уходящей эпистеме слово «*знание*».

Но именно напрягающая вездесущность *идентичности* стимулирует необходимость эпистемического преодоления, поиск новых эпистемообразующих начал. Возможно, эти начала станут более понятными в результате глубинных освоений целого ряда важных Слов: *дыхание, переживание, упрощение, укоренение*,...

К сожалению, размышления в заданном направлении упираются в интеллектуальную непроработанность того, как понимать *эпистемическое преодоление*, преодоление тех начал, которые задают фундаментальные надпарадигмальные предустановки. Видится, что это преодоление связано

со смещением интеллектуального внимания от *формы, знания* к *трансформерам*, к *процессам* и агентам трансформаций (см.: [3]). Возможно правы и Фуко, и Делез в том, что в подобной ситуации философского переосмысления требует представление о *силе*. И об этой силе размышляет уже не *познающий (осознающий) Субъект*, а *переживающий Человек*, осваивающий распятие на новом кресте, кресте *вертикального и горизонтального развертывания*.

4. Активирующее раздражение. Поиски идентичности включают в себя значительный потенциал для развития. Они не только успокаивают, но и «раздражают». Раздражают мыслью о том, что обретенная идентичность буквально на глазах может исчезнуть (как исчезают с таким трудом выстраиваемые сообщества). Или – проявленная идентичность оборачивается нестерпимой причастностью. В любом случае – *кризис идентичности* стимулирует к *горизонтальному восхождению*, раскрытию нового измерения Пути.

Список использованной литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Богатая Л. Н. О метатеоретических построениях Р. Крейга // Полілог. Збірник статей молодих науковців з історії, філософії, культурології / редкол.: О. В. Чайковський та ін. – Одеса: Букаєв В. В., 2017. – С. 72–83.
3. Богатая Л. Н. Информопластика: потенциал нового терминологического конструкта // Дб́жа / Докса. – Одесса, 2013. – Вип. 1 (19). – С. 28–44.
4. Делез Ж. О смерти человека и о сверхчеловеке / Пер. с франц. В. В. Зеленской. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/sm_chel.php.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. – М.: Изд. Дом Высшей школы, 2014. – 384 с.
6. Морен Э. Метод. Т. 1. Природа Природы / пер. с фр. Е. Н. Князевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
7. Слотердайк П. Ти мусиш змінити своє життя / пер. з нім. М. Д. Култаєвої // Філософія освіти. – К., 2014. – № 1. – С. 76–95.
8. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – М., 1989. – № 10. – С. 3–18.
9. Kreig R. T. Communication Theory as a Field // Communication Theory. – Vol. 9. – Is. 2. May 1999. – P. 119–169.

Лідія Богата

ПРО ІДЕНТИЧНІСТЬ ТА ЕПІСТЕМІЧНЕ ПОДОЛАННЯ

Роздуми про ідентичність З. Баумана та П. Слотердайка розглядаються в статті у контексті уявлень про епістемічні трансформації, що виявляють себе в ситуації поліпарадигмальності, формування нових

кросс-парадигмальних концептів, до купи яких і віднесено ідентичність. Ідентичність співвідноситься з ключовими концептами Ж. Дельоза: номад (номадизм), гладкий та рифлений простір. Формулюється висновок про те, що в поєднанні зазначених концептів висвітлюється нова епістемічна ситуація, для якої характерно поєднання «вертикального» та «горизонтального» піднесення людини («вертикальне сходження» та «базовий табір» в термінології П. Слотердайка). Пошуки ідентичності постають способом горизонтального розгортання, яке доповнює традиційне «вертикальне піднесення» людини.

Ключові слова: *ідентичність, парадигма, епістема, згинання, розгинання, рифлення, гладкий та рифлений простір, горизонтальне сходження.*

Lidiya Bogataya

ABOUT THE IDENTITY AND EPISTEMIC OVERCOMING

In the given article the presentations of *identity* developed by Z. Bauman and P. Sloterdajk are considered in the context of epistemic overcoming reflections, realized as the search of principally new epistemic beginnings.

One of the basic ideas of the constructivism lies in the fact that every investigation is connected with the use of special constructs. The certain nature of these constructs is predetermined by the existing episteme, within the framework of which different paradigms and paradigm formations are formed. Thus any investigation is not only a paradigm but also is epistemic predetermined. Appearance of the paradigm within any of the epistemes can be considered as particular flexion (and vice versa). Flexion and extension (“pli”, “depli”-the terms which were introduced and explicated by M. Foucault and J. Deleuze) appear as fundamental cogitative modes. Exposure, specification of certain concepts and constructs is the peculiar “research extension”, which essentially simplifies and simultaneously coarsens the investigated reality. Overcoming of the obsolete constructs and investigation of the new ones is connected with the fixation on extension in connection with the premonitions of epistemic transformations.

Methodological fixation on the extension expects thinking about changes of the conceptual (categorical) nets. As the result of such extension the methodological concepts appear which do not fit the old research tools. Exactly within such concept which forms and connects a number of fundamentally new constructive elements the *identity* should be considered.

In the article the identity correlates with some concepts given by J. Deleuze: nomad (nomadism), smooth and striated space. The following conclusion is formulated: a new epistemic installation is seen in the combination of the

marked concepts, which is characterized by the simultaneous uniting of vertical and horizontal deployment (“vertical ascent” and “base camp” in the terminology of P. Sloterdajk).

The search of identity appears as a way of “horizontal ascent” which completes the traditional “vertical deployment” of the man.

Keywords: identity, paradigm, episteme, flexion, extension, corrugation, smooth and striated spaces, horizontal ascent.

References

1. Bauman Z. (2005) Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society], per. s angl. pod red. V. L. Inozemceva. *Moskva*, Logos, 390 p.
2. Bogataya L. N. (2017) O metateoreticheskikh postroeniyah R.Krejga [On the metatheoretical constructions of R. Craig]. *Polilog. Zbirnik statej molodykh naukovtsiv z istoriyi, filozofiyi, kul'turologiyi, Odesa*, Vyp. 4, pp.72-83.
3. Bogataya L. N. (2013) Informoplastika: potencial novogo terminologicheskogo konstrukta [Informoplastics: the potential of the new terminological construct]. *Дóжѧ / Докса, Odessa*, Vyp. 1 (19), pp.28-44.
4. Delez Zh. (1986) O smerti cheloveka i o sverhcheloveke [On the Death of Man and Superman], per. s franc. V. V. Zelenskoj. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/sm_chel.php.
5. Latur B. (2014) Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], per. s angl. I. Polonskoj. *Moskva*, Izd. Dom Vyshej shkoly, 384 p.
6. Moren E. (2005). Metod. T. 1. Priroda Prirody [Method. V. 1. Nature of Nature]. Per. s fr. E. N. Knyazevoj. *Moskva*, Progress-Tradiciya, 464 p.
7. Sloterdajk P. (2014) Ty musish zminiti svoje zhittya [You Must Change Your Life], per. z n³m. M. D. Kultajevoj. *Filozofiya osvity, Kyiv*, № 1, pp. 76-95.
8. Stepin V. S. (1989) Nauchnoe poznanie i cennosti tekhnogennoj civilizacii [Scientific knowledge and values of technogenic civilization]. *Voprosy filozofii, Moskva*, № 10, pp. 3-18.
9. Kreig R. T. (1999) Communication Theory as a Field. *Communication Theory*, vol. 9, is. 2, pp. 119–169.

Стаття надійшла до редакції 17.10.2017.

Стаття прийнята 21.11.2017

УДК 009:168.522 *Александр Афанасьев, Ирина Василенко*
ИСТОРИЯ: ПАМЯТЬ И НАУКА
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Историческая память и историческая наука, при известном сходстве, различны по содержанию, происхождению, назначению. Историческая память не адекватна исторической реальности вследствие определяющего влияния идеологии. Следует повысить роль науки среди факторов, формирующих историческую память.

Ключевые слова: историческая память, наука, идеология, свидетельства, фолк-хистори.

Когда во второй половине XX века исторические науки подверглись методологическому переосмыслению [21; 1], в центр внимания попало множество проблем, но, прежде всего, понятие исторической и социокультурной реальности и форм ее презентации. Среди последних немаловажное значение имеет историческая память. К данному феномену в мировая литература всегда проявляла интерес, более того, проблема памяти периодически оказывается в фокусе дискуссий по разнообразным поводам [2; 3; 14]. Дополнительный импульс исследованиям придало обострение вопроса национальной идентичности на постсоветском пространстве, когда к обсуждению проблемы подключились гуманитарии разных направлений [18; 6]. Впрочем, интерес к этому феномену имел место и в советское время, привлекая выдающихся исследователей [12]. Проблема исторической памяти актуальна в современной Украине и в связи с формированием украинской политической нации, и в рамках процесса декоммунизации, и на пути ликвидации белых пятен замалчиваемой истории. Да и пересоздание Украинского института национальной памяти свидетельствует об этом.

Историческая память многогранный конструкт. Сформировавшись в ходе социализации на основе полученного образования и личных впечатлений, она постоянно подкрепляется, но также и периодически, хотя и не часто, «перезагружается» под воздействием множества факторов. Это и литература, и СМИ, и политика, но в первую очередь идеология. Среди формирующих память феноменов науке, как историческим, так и другим социально-гуманитарным дисциплинам, отводится неоправданно малое место. Как носители памяти, так и субъекты, формирующие ее, к науке прибегают нечасто. Тем более, что в обыденном сознании историческая память и историческая наука практически не различаются, из-за чего, в частности, пользуется популярностью безграмотный лозунг «нельзя